

**Константин
ГВОЗДКОВ**

г. Болхов
Орловской области

Чабрец

И сегодня я один?

Попробую новое средство борьбы с одиночеством – чабрец. Нужно пройтись. Там, где он растет, всегда красиво.

Я и пошел. Широкий сочный луг, мохнатые бугры, становище разноплеменных трав, мягкая грунтовая дорога, уходящая в небо, монастырь белеет слева – на холме. В небесных дальях, скользя над полями, взбитыми сливками катят огромные облака. На горизонте одинокое дерево. Хотя дерево не может быть одиноким.

Народ щедро одаривал именами травы. У чабреца их немало. Богородицкая трава, тимьян ползучий, чабер, чепчик городный, материйка, боровой перец, фимиамник, мухопал, лимонный душок, мацер, жанка, жадобник, чайбур, цебрик, мацертанка, лебюшка, колотовички, дзиберь. Называли!

Срезал я несколько веточек. Вдыхаю. Тут же летают пчелы. Меня не трогают, на что им я – такой жалкий. Пчелам хорошо! Вон у них сколько душистого чабреца! Летай себе.

Насобираю пакетик травы, что делать дальше? Хочется зацепиться за какую-нибудь мысль. Нужно сесть и оглядеться. Так! Сколько ж много всего растет! Уживается рядом. И, возможно, самая тонкая былинка знает, для чего существует. А мне приходится гадать. Вот какой-то хмырек усатый щекотно ползет по моей ноге.

Начинаю опасаться. Боюсь, как бы какой клещ не впился в мягкую часть. Беспрестанно волнуемся, осторожничаем. Нам не освободиться. Разводим костры, поглощаем тонны еды, плещемся в лужах, а меж тем безвозвратно теряем связь с природным миром. Разучились! Этот тонкий мистический контакт – заржавел.

Сижусь, сижу, а на сердце пусто. Дергаюсь. Настроиться не получается. Хорошо кругом, красиво! Все на месте, а меня словно выставили за дверь. Не могу постичь. Мысли путаются, мыслить в тягость.

В сознании порой случаются непонятные всплески – зарницы истины. Как при смене угла осмотра вдруг возникает новый вид. То вдруг будто счастлив, то вдруг заплачешь особенно. Но

все это как нечаянная щекотка в утробе, когда случайно подпрыгнешь на кочке. Редко!

Иду ловить ветер. Он летит из города, мгновенно назад облизав каменный храм. Теперь у него на пути – я. Возможно, ветер донесет маленькую пылинку с колокольни и посеет ее в моих волосах.

Загрустил. А где любовь? Опять – она! И я один.

Иду по дороге в сторону дерева, которое не может быть одиноким. Вдруг вспорхнула птичка с желтым пузиком. Летит рядом со мной и чвиркает: «Пью-пью, пью-пью!»

– Я тоже иногда выпиваю, – говорю ей. – И довольно крепко!

А она взяла надо мной шефство. Сопровождает – порхает. Я остановился. Птичка села на репей и сидит, качается. Никуда не улетает от меня, не бросает. Напеваает мне что-то, крутя головкой. Я слушаю. Прикрыл глаза... И вот мне снова пять лет, я кручу педали на скрипучем трехколесном велосипедике, а в небе гудит самолет; старая береза подпирает закат и тоже гудит. В ее ветвях сидят грозные витязи при седых бородах и охраняют меня. Их никто не видит – только я... Нечаянная щекотка. Открываю глаза. Птички уж нет, а песня осталась.

Оторвавшись от детства, так безрассудно освободившись от него, теперь остается разводить руками, хватать что-то из памяти и довольствоваться мерцающими светлыми образами. Веревочку с железным язычком болтает туда-сюда, а колокольчика нет – переплавили его в копейку, и нет желанного звука, хоть бедный язычок и раскачивается что есть духу. Так и болтаемся!

Иду дальше и выше. Вновь подумал о ней. Назвать ее женщиной – мало. Она какая-то тонко-сотканная. Я таких не встречал. Опасные мысли! Они мне ни к чему. Я от них отказываюсь, но именно эти мысли мне не подчиняются и входят в меня извне. Интересное дело! Ведь я ей абсолютно безразличен. У нее своя семья. Возможно, счастливо живет. А я тут – в поле. И думаю о ней. Не хочу, но думаю. Почему так? Наверно, от безделья. Хотя иногда (очень редко) эти мысли спасают меня. Вспомню вдруг ее глаза и улыбку... и отложу ружье...

Напротив, за рекой, тянутся огороды. На огородах – люди. Рядом помахивает хвостом лошаденка. Хорошо им, подумал я. Работают дружно. А вечером соберутся за старым столом, в саду. Бу-

дут под лампой пить чай, разговаривать, отгоняя ночных бабочек, летящих на свет.

Люди, возможно, тоже на меня смотрят. И думают, хорошо ему вот так ходить. Луга, холмы, монастырь. А мы на другом берегу. И работа не ждет.

Не угадать – кому лучше!

Забрался на самую кручу. Здесь хозяйничает совсем другой ветер. Кругом – виды! И не знаешь, что делать со всей этой красотой! Как-то не вмещается. Остаются отчаянные попытки созерцания.

Руки

В троллейбусе куда лучше. В нем специально для меня предусмотрена просторная задняя площадка. Она как веранда. Если посчастливится, площадка может оказаться полупустой, тогда трудно отказать себе в удовольствии взяться за поручни и устремить свой взгляд в сторону, противоположную движению, словно ты навсегда прощаешься с этими местами.

Когда за тобой в погоню выстраиваются сотни машин, интересно наблюдать за людьми, которые их населяют. Они почти никогда на тебя не смотрят, и потому так необычно мгновение короткого взгляда в твою сторону, обрамленного улыбкой.

Если сзади вплотную подъезжает маршрутка, я стараюсь не задерживать долгого взгляда на водителе. Он устает от людей. А тут я со своей физиономией. Однажды я махнул водителю рукой и, улыбнувшись, кивнул.

Он напрягся и в ответ послал мне непристойный жест. С тех пор не смотрю в упор.

Редкий солнечный день, но уже холодно, а в троллейбусе тепло. Я на задней площадке. Наблюдаю. В общем потоке плывем медленно, движение затруднено. Полдень. Много людей промелькнуло в очках и без, с конкретно выраженными вторичными половыми признаками и без, с вредными привычками и, судя по всему, с их отсутствием.

Вот пристроилась леденцовая машинка и пошла потихоньку за нами. Я увидел сразу. В ней мужчина в вишневой куртке и женщина с льняными волосами. Он за рулем, она рядом. Правая рука мужчины лежала в колыбели женских ладоней,

покоившихся на коленях. Все время нашего совместного движения руки их не расставались. По ним как по проводам текла генерация совокупности напряжений их единой красоты. По правилам моего восприятия такое редко случается. Обычно рядом с прекрасными женщинами околачиваются тусклые вислощекые мужики, не интересующиеся золотыми пропорциями проявления и закрепления. Красивых же мужчин решительные, но безвкусные бабенки быстро скручивают и превращают в домашних животных. Они так и не могут связать друг друга в единое целое. Как жаль! Как же всех жаль!

А эти двое сложены иначе. Они молча торжествуют, усиливая солнечную радиацию, которая нас так радует.

Интересно, звучит ли у них в салоне музыка? Музыка!.. Наверняка в данный момент эти двое сами рожают мелодию. А где-то, может, на другом континенте, сидит усердный стареющий композитор и дрожащей рукою прописывает в полосатой тетрадке долгожданный мотив, подаренный ему невесть кем. Так все и получается.

Вот они посмотрели друг на друга, их немолодые лица раскрылись новыми страницами. Улыбаюсь и боюсь, что они меня заметят. Слишком уж настойчиво смотрю на них. Нет, эти руки не могут сложиться в непристойный жест, во всяком случае не сегодня, не сейчас. Меня эти двое не увидят точно. Взгляды их соприкасаются и устремляются вперед к единому горизонту.

Я оглянулся и окинул взором насельников троллейбусного чрева. По салону, разъедая металл, скачут солнечные блики, но люди упорно сопротивляются свету. Конечно, ведь все едут на свои собственные поминки. И кто виноват в том, что мы забыли, что все еще живы?

А мне хорошо! Пусть я одинок и жалок. И страхи мои словно мыши летучие, висят по всем углам. Но вот меня пощадили и подтолкнули легонько мягкой ладошкой. И я побыл тем, кем по роду вещей нам давно пора стать за эти тысячи лет. Эти красивые, вишнево-льняные люди из леденцовой машинки невольно поделились со мною своей светлой тайной, поделились теплом своих рук, которое и сейчас живет в моих пустых карманах, и напомнили мне, заблудившемуся, что любовь соединяет все векторы нашего движения в одной точке.

Прекрасная машина повернула влево, а троллейбус с моей верандой вправо. Спасибо вам, милые люди! Я улыбаюсь уже третий день!

Разговор

А деревья продолжают нам что-то говорить. Покуда они в силе, покуда хоть один листочек цел, разговор не окончен. Ветер гортанным усилием понуждает трепетать листья как голосовые связки. Мы не слушаем, но они не умолкают.

Все лето не слушали. Не слушали при восходе солнца, когда тишина звенит птичьим голосом и неуловимая дрожь кругом. Не слушали в полдень, когда в мареве повисает взгляд и ошупывает теплые светлые потоки. Не слушали при подкрадывающихся сумерках, когда вообще ничего не понятно. Не слушали ночью, когда все секреты похрустывают то тут, то там в шорохе. Лето как обычно пролетело быстро, словно убежавшая из кувшина вода. И опять это знакомое чувство, что не сделал этим летом что-то важное, главное. Что, если деревья говорят нам о том, что мы упустили, о том, чего не удосужились заметить? Не слышим.

Падает лист и танцует в последнем танце, чуть касаясь своими краешками невидимых паутинок-струн, повсюду развешанных в воздухе. Старый лист. Он почти отслужил свое. Старые люди некрасивы, а старые листья прекрасны. Опали и лежат ковром, а человек идет по ним и думает, что это он шуршит. Глупец... Листвы нет на дереве. Ветру труднее цепляться. Только ветви станут постукивать друг о друга, и пойдет уже совсем другой разговор, более назидательный и тонкий.

Зимой в морозные ранние часы в монотон бьют всыпать хрусталь, как привет от прошлогодних листьев, лежащих под снегом. В минуты особых откровений серебро и золото, искрясь, тихо опускаются сверху. Слушай! Замечай!

И только весной, перед движением соков, не до разговоров. Тайна созидания всегда в молчании. Тайна возрождения, тайна новой весны как новой жизни, тайна Воскресения. Помолчим и мы, посмотрим в себя. И начнем расти и сбываться с новыми листьями, с новыми цветами, с новыми пчелами. Капля нектара заслонила собою закат. Янтарем висит. Посмотришь на свет сквозь нее, и отразится вся твоя жизнь. Тебе ка-

жется, что она большая, твоя жизнь, а она помещается в маленькую такую каплю. И ты стоишь – маленький и глупый, но тебе уже не страшно. Сегодня ты увидел. Ты увидел сегодня. И, может быть, даже что-то услышал, хоть малый отрывок фразы. Молодец!.. Не бойся!..

На грани весны

Смотри, – птица!

Вот она режет воздух. Это твоя птица. Она научит тебя полету. С тех пор как в первый раз ты потерял свое семя, тебя словно пыль прибило к земле. Но ничего! Искусство познания свободы требует усилий и времени.

Для начала поучись наблюдать. Скажешь, что кругом пустота? Нет. Ты еще ее не заслужил. Каждый день в твой карман кладут новое стеклышко великой стройки. Но разве ты хочешь быть строителем? Ты слишком рано решил стать дедом. И каждый вечер выворачиваешь карманы, чтоб вытрясти крошки и скатанную ткань. Вот прилетел ветер с Дублинского залива и качнул спящие ветви клена. В свое время клен вырос из семечки, прилипшей к ботинку немецкого солдата. Но что тебе до них! В голове твоей похлебка.

Сейчас ты ничего не слышишь, а пора бы. Ведь с тобой постоянно поддерживают контакт. Майский жук, что весной выползает кротом из мокрой земли, уже четыре раза передавал тебе привет через двух галок. Ты глух, словно стук. Пустые, но дорогие для тебя звуки засорили твои лучшие комнаты. Не так давно ты прогуливался по ним и отдыхал, осторожно поглядывая в широкие окна. Теперь все завалено хламом. Зови подмогу.

Ты любишь спать? Я бы не советовала тебе увлекаться. Ведь ты ни разу не устал так, чтобы честно уснуть. Вот Леонардо в два счета разобрался со сном, потому что хотел быть отцом своих творений. А ты стал дедом своего дивана.

Тебе чего-то не хватает? Все недостающие элементы под рукой. Пора с решимостью взяться за плуг. Созидание интереснее потребления. Этот вкус нужно прививать самому. Вскосы не заставят ждать долго.

Знаешь, почему ты такой нервный? Ты давно ничего не предпринимал. Соверши подвиг – наступи в говно. Это глупцы считают, что ма-

раться ни к чему. Только суровый опыт научит тебя отсеивать плевела.

Не сиди без дела. Старайся и думай. Если ничего не выходит – просто ходи.

Сегодня ты пошел, и правильно сделал. Пара каменных верстовых столбов с высеченными посланиями древних скальдов осталась позади твоей сутулой спины. Было б неплохо, забудь ты свой панцирь дома. Уже не вздохнуть свободно без привычного груза камней. Так ведь?

Ты решил посмотреть, как вода превратилась в лед, как острое лезвие стального конька шершава выбивает кристаллические искры. Ветер высек слезу, а мороз застеклил твои щеки. Давно не видел детей? Посмотри на них, может быть, вспомнишь себя настоящего. Вон они снуют по замерзшей реке, мелькают маковыми и васильковыми шапочками. А от их красных щек воздух собирается в мокрые шарики. Тебе бы к ним, туда, с оголтелым лицом. Но ты увидел на снегу женские следочки, склонил голову и пошел по ним, как пес. Сегодня это лишнее. Сегодня это не твое. Но ты уже отвлекся. И куда ты собрался? Кого ищешь? Упертый... Прежде чем искать кого-то, сначала найди себя.

Походил, покружил. Запутался. Встретил пьяного человека, который сказал, что найдет тебя. А ты вздохнул и пошел в гору. Загрустил. Светло загрустил. Ну и хорошо, так до тебя проще достучаться.

И я сказала тебе:

– Смотри, – птица!

Сначала ты и ухом не повел. Но вот поднял голову, улыбнулся и увидел. Это твоя птица. Она научит тебя...

Лоскуты

Я сегодня встал и пошел... Собрался и решил. Может, для того, чтобы сейчас бороться с чистым листом. Пошел я не сразу. Долго сомневался, стоит ли!

За окном свисали капли. Середина января, а на термометре ноль. Бедняга снег, как попавший в окружение батальон солдат. Пасмурно!.. Но тут я съел борща и решил. Борщ очень помогает, когда колеблешься и не уверен.

Иду радостно! Моя главная задача поскорее очутиться за городом. Я наметился в Лисичкин лес. Там, думалось мне, будет думаться лучше. В

облачном небе проявились клоки голубого цвета. Оно там за серой завесой голубое. Трудно представить. Я задрал голову, и детство мелькнуло своей безвозвратностью. Может, над Лисичкиным лесом в небе на просушку развешат голубые лоскуты. Я поспешил.

Монастырский луг. Верчу по сторонам головой на тонкой шее. Какое-то мгновение, и солнце полностью вываливается из мягкой серости, которой, казалось, и конца не будет. Я остановился, опешил. Боюсь, сделаю шаг, и все исчезнет. Достал фотоаппарат. Щелк, щелк – пустота. Ничего не получилось. А вокруг всё в ракурсе!

Иду-иду! Вспомнил о своем друге, точнее о нашей с ним ссоре. Не разговариваем ровно месяц. Знаю, что должен сделать первый шаг. Простить и попросить прощения. Может, и он попросит тоже?.. А вдруг навсегда? Гордость – ты неумолима... Страшно, если навсегда. Минутная разлука может затянуться на целую вечность. А нужно ли наше сближение? Ведь пропасть разверзлась не сразу – потихоньку осыпались края. Стали смотреть в разные стороны. Хотя в определенных малостях нам необходимо совместное существование. Из этих малостей складываются лучшие моменты жизни.

Приятно! К реке подошел. Она течет себе в январе преспокойно и не испытывает на своей ледяной шкуре противных рыболовов, без усталости сверлящих лунки. Отражающаяся синь уплывает за куст... Не верю глазам своим – утки летят! Резанули кружок и махнули вдаль. Ну а кто ж еще? Крупные тушки, длинные шейки, круглые головки. Сейчас бы позвонил ему и сказал про уток. Одному удивляться скучно. До чего нужно унижить дружбу, чтобы из-за такого пустяка не решиться позвонить целый долгий месяц!

Солнцу конец. Огромная космическая серость вновь поглотила дали. А бирюзовое отражение неба утекло уж за Лисичкин лес. И любуются им лишь улетевшие вослед утки.

Константин Сергеевич ГВОЗДКОВ

родился в 1981 г.

Место работы: Районный дом культуры.

Печатался в альманахе «Орел литературный»,

газете «Орловская правда».

Проживает в Орловской области, г. Болхов.

В журнале «Север» публикуется впервые.

